

А. В. НАЗАРЧУК

Учение
Никласа Лумана
О КОММУНИКАЦИИ

Издательство «Весь Мир»
Москва
2012

Содержание

Введение	7
Глава 1. Концепция Н. Лумана и теория систем	15
§ 1. Основы системной теории	15
§ 2. Уровни системного анализа	21
§ 3. Творческая биография Н. Лумана	27
§ 4. Модернизация системной теории Н. Луманом	31
Глава 2. Теория социальных систем Н. Лумана	41
§ 1. Система и окружение	41
§ 2. Структурные соответствия	51
§ 3. Медиум и форма	55
§ 4. Комплексность и контингентность	60
§ 5. Наблюдение и описание. Понятие культуры	64
§ 6. Понятие двойной контингентности	73
§ 7. Эволюция систем	77
Глава 3. Понятие коммуникации	85
§ 1. Социальные системы и коммуникация	85
§ 2. Структура коммуникации	92
§ 3. Смысл	101
§ 4. Бинарное кодирование и символическая генерализация ..	117
§ 5. Язык	124
§ 6. Письмо	131
Глава 4. Медиакоммуникации	139
§ 1. Средства распространения коммуникации	139
§ 2. Книгопечатание	141
§ 3. Электронные медиа	145

§ 4. Символически генерализованные средства коммуникации	155
§ 5. Религия и мораль как средства коммуникации	170
Глава 5. Коммуникация как социологическое понятие	179
§ 1. Коммуникация и социальное действие	179
§ 2. Системная дифференциация	191
§ 3. Функциональная дифференциация общества	197
§ 4. Мировое общество	205
Заключение	215
Список литературы	221
Предметный указатель	238
Именной указатель	245

Глава 3. Понятие коммуникации

§ 1. Социальные системы и коммуникация

Если понятие смысла в равной степени характеризует психические и социальные системы, то специфической операцией, характеризующей социальные системы, в концепции Лумана выступает коммуникация. Общество как система для него — не сущность или состояние (скажем, сообщество людей, связь индивидов и т.д.), а операция, которая его (общество) производит и воспроизводит.

Такая постановка проблемы не впервые возникает в социальной науке. Маркс в качестве ключевой характеристики общества выдвигал процесс материального воспроизводства общества, хотя само общество трактовал как совокупность классовых отношений. Об историческом процессе говорили такие разные мыслители, как Г. Гегель, В. Соловьев, А. Бергсон, А. Тойнби, но сведение всего социального процесса к единой операции и новое истолкование понятия общества Луман предпринимает в истории социальной мысли впервые. Такая задача могла быть поставлена только тогда, когда было взято под сомнение интуитивно и изначально исконное представление о том, что общество есть совокупность людей. Ни Дюркгейм, учивший о «социальной реальности» как предмете социологии, ни феноменологическая и аналитическая социология, выдвигавшая на первый план смысловой мир или языковые игры социума, не ставили эту предпосылку под сомнение. Луман был первым, кто отважился на это.

Под коммуникацией Луман понимает не передачу смыслового содержания от одного индивида к другому или от передатчика к приемнику, а «некое исторически-конкретно протекающее, зависимое от контекста событие»¹⁶². Это единый акт, который самостоятелен и самодостаточен как единое целое, в то время как его элементы не самодостаточны. Коммуникация — это операция, в ходе которой происходит

¹⁶² Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 70.

перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации. Ситуативность коммуникации объясняется тем, что величина незнания зависит от места и времени и не может быть постоянной.

Луман весьма энергично борется со стандартным представлением, свойственным, в том числе, теории коммуникации, что наличие множества субъектов есть исходное условие коммуникации. Коммуникация первична и единственна. В лумановской трактовке коммуникация речь о наличии или отсутствии индивидуальных сознаний, участвующих в коммуникации, не заходит: это не сообщаются между собой системы. Сознание соответственно не является «субъектом» коммуникации или ее «носителем». Луман требует отказаться от представления о коммуникации как «переносе» семантических содержаний от одной психической системы, которая им обладает, к другой¹⁶³. Классическая системная теория с ее представлением о взаимодействии системы и внешнего мира применительно к процессу коммуникации неверна. Коммуникация может происходить только внутри системы.

Коммуникация не монолитна и обладает структурой. Она имеет дело с сообщением, информацией и пониманием, сводя их воедино. Согласно лумановской дефиниции, коммуникация охватывает «потенциал осмысленно информирующих, постоянно уточняемых сообщений, которые, соединяясь, могут осуществлять коммуникацию»¹⁶⁴. Д. Краузе формулирует лумановское понимание коммуникацию как «эммерджентное контингентно-селективное единство информации, сообщения и понимания»¹⁶⁵. Осмысленная коммуникация — способ наблюдения (т.е. установления различий и обеспечения дальнейшего углубления процесса различения), на которое в ходе своей автопоэтической репродукции способно общество как наиболее сложная из всех систем. В коммуникацию вступают не субъекты, но сознание, коммуницирует общество. Более того, подчеркивает Луман, коммуникация коммуницирует посредством коммуникации, и никак иначе. Коммуникация может приходить только к себе самой и реагировать только на саму себя. Общество может регулировать свои коммуникации лишь посредством коммуникаций. Как любая оперативно закрытая система, оно не может иметь контакта с внешним миром. Внешнее влияние способно только разрушать и сбивать с толку (irritieren) систему. Тот контакт с внешним миром, который она поддерживает, осуществляется посредством сложных

¹⁶³ См.: Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 104.

¹⁶⁴ Ruhl M. Wie kommen bei der systemtheoretischen Betrachtung (N. Luhmann) Normen ins Spiel? // Funiok R. Grundlagen der Kommunikationsethik. Konstanz, 1996. S. 45.

¹⁶⁵ Krause D. Luhmann-Lexikon. Eine Einführung in das Gesamtwerk von Niklas Luhmann. S. 152.

структурных соответствий с системами окружающего мира, главной из этих систем является сознание.

Луман тщательно избегает смешения понятия коммуникации с понятием сознания, т.е., в его терминологии, психической системы. В коммуникации не происходит соединения сознаний или обмена мыслями. «Не существует социально опосредствованной коммуникации от сознания к сознанию, и не существует коммуникации между индивидуумом и обществом. ...Только сознание может думать (но именно не внушать или как-то иначе передавать мысли другому сознанию), и только общество может коммуницировать»¹⁶⁶. Под сознанием тоже имеется в виду оперативно замкнутая система, способная производить собственные операции, но не способная коммуницировать. Зарождение мыслей в сознании в лумановской интерпретации — всего лишь возникновение и исчезновение психических состояний, не более того. Тем не менее лишь аргументированное объяснение отношения коммуникации и сознания способно дать концепции общества право на существование. Если отвергать традиционное и интуитивно понятное единство коммуникации и сознания, то какое место отводится сознанию?

Под сознанием Луман понимает когнитивные процессы и функции, свойственные психическим системам. Хотя психические процессы отличаются от физиологических процессов мозговой деятельности, психические операции ограничены именно теми возможностями, которые задают в рамках структурных соответствий физиологические возможности тела, т.е. чувственные данные, получаемые и обрабатываемые нервной системой человека¹⁶⁷. Возможность осознания, создаваемая нервной системой, способна реализоваться только благодаря существованию такого достижения эволюции, как смысл. Формирование смысла дает жизнь и наполняет содержанием деятельность сознания.

Но как раз способ этого формирования, характер смысловых ссылок отличают сознание от коммуникации: если сознание способно обращаться в ходе актуализации смысла только к телесным данным, то коммуникация формирует смысл благодаря передаче и пониманию сообщений.

«В конечном счете психические и социальные системы различаются тем, избирается ли в качестве операциональной формы сознание или коммуникация. Этот выбор невозможен для события, ибо в от-

¹⁶⁶ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 105.

¹⁶⁷ При этом Луман подчеркивает, что единство и автономия сознания обусловлены тем, что оно не в состоянии сознательно наблюдать и отслеживать обеспечивающие его телесные процессы.

дельном событии сознание и коммуникация не исключают друг друга, а часто более или менее совпадают. Выбор заключен в осуществлении осмысленной автореферентности, т.е. в том, посредством какого последующего смысла ссылается на себя данный смысл. Смысл может включать себя в последовательность, которая подключена к телесному жизненному чувству и затем проявляется как сознание. Смысл может включаться также в последовательность, которая подразумевает понимание других и проявляется как коммуникация»¹⁶⁸.

В обоих случаях речь идет о структурно детерминированных системах, которые ориентируют каждую репродукцию своих собственных операций, какие бы внешние поводы ни создавали дополнительную мотивацию, только на собственные структуры, т.е. «создают собственные различия, ставят границы, аккумулируют собственную историю и определяют, чем является для них окружение»¹⁶⁹. Тем не менее психическая и социальная системы связаны не только тесными, но и асимметричными отношениями. Если сознание способно функционировать в рамках психической системы вне связи с коммуникацией, то коммуникация невозможна вне сознания. Поэтому в обыденном представлении возникает смешение: коммуникационные процессы отождествляются с процессами сознания. Все, что вступает в коммуникацию, отмечает Луман, можно описать на уровне ментальных состояний (как все жизненные процессы — на уровне биохимических изменений) с единственным исключением: «того, что только и может быть описано как коммуникация»¹⁷⁰.

Коммуникация, отмечает Луман, *тотально* (т.е. в каждой операции) привязана к сознанию, — хотя бы потому, что только сознание способно воспринимать чувственно, а функционирование коммуникации (устной, письменной) предполагает чувственные элементы. Каким же образом соотносятся между собой системы сознания и коммуникации? «Речь идет о соответствии автопоэтической системы инвариантным данностям ее окружения — подобно тому, как мускулатура самодвижущихся организмов настроена на силу притяжения Земли. В отношении сознание—коммуникация речь идет о некоторых структурных инвариантах, например границах изменений состояний сознания»¹⁷¹.

Благодаря этому системы сознания и коммуникации могут функционировать скоординированно. Каждая из них настолько стабильна

¹⁶⁸ Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt, 1987. S. 142

¹⁶⁹ Luhmann N. Wie ist Bewusstsein an Kommunikation beteiligt? // Idem. Aufsätze und Reden. S. 114.

¹⁷⁰ Ibid. S. 115.

¹⁷¹ Ibidem.

и обладает в отношении другой настолько узким пространством возможностей, что изменения одной системы позволяют не нарушать другую, а легко находить ей соответствие. Они изначально настроены друг на друга. Иначе невозможно синхронизировать определенные эндогенные операции систем. Примером может служить шаг при прогулке: он незаметен сознанию гуляющего именно потому, что существует очень небольшой спектр возможностей для мышц в отношении силы притяжения земли. Структурные соответствия охватывают очень узкий спектр факторов среды (например, физическую чувствительность глаз и ушей), и именно поэтому они возможны.

Структуры, обеспечивающие соответствие сознания и коммуникации, существуют не только в сфере физиологических процессов, но и в специфически генерированной с помощью когнитивных процессов области материальных знаков, создающих в ходе эволюции такие явления, как язык, письмо, книгопечатание. Материальной основой этих знаковых систем являются чувственно воспринимаемые звуки и образы, причем именно благодаря тому, что звуки и образы языка принципиально отличаются от иных звуков и образов, встречающихся в окружении психических систем. Именно внутри операций, имеющих дело с языком, встречается сознание и коммуникация.

«Решающее тут — не знаковый характер этих эволюционных достижений, а дифференциация особых предметов восприятия, которые бросаются в глаза или очаровывают, поскольку не похожи на остальной реальный воспринимаемый мир и постоянно находятся в движении или могут быть (как при чтении) использованы только в движении... С определенной осторожностью можно сказать, что язык и письмо в этой функции соответствия могут быть обозначены как символические предприятия (Symbolarrangemas), если под символом подразумевается, что разделенное может презентировать соответствие разделенного»¹⁷².

Язык и письмо, по словам Матураны, суть «постоянная приспособленность коммуникации к сознанию» («conservation of adaptation»). Именно язык создает рамки структурных соответствий, внутри которых изменения воспринимаются как резонансные процессы системы, а не разрушающее воздействие окружения.

Язык определяет область структурных соответствий именно между сознанием и коммуникацией. В целом Луман не принимает тезиса аналитической философии, отождествляющего язык и сознание, язык и смысл. Хотя вне языка трудно достичь высокой сложности смысла, опирование данными сознания возможно без посредства

¹⁷² Ibid. S. 117.

языка. Сознание без слова возможно. Психические системы могут существовать даже без мышления, если под мышлением понимать только абстрактные операции сознания, или наблюдение второго порядка. Здесь Луман скорее примыкает к тезису Л. Выготского о том, что единство сознания и мышления — результат эволюции и культивирования сознания, не присущее человеку изначально, с рождения.¹⁷³

В рамках структурного соответствия сознания и коммуникации первое выступает *медиумом* для второй и может принимать разные состояния в зависимости от ее задач. Как медиум сознание предстает для наблюдателя пространством свободы и возможности коммуникации, совокупностью слабо связанных элементов, которым придает структуру лишь коммуникация.¹⁷⁴ Существует иллюзия, что коммуникация протекает сознательно, однако сознание участвует в коммуникации пассивно. Оно только «предоставляет» свои состояния всему, что говорится. Более того, занимаясь самим собой, сознание «не знает», что происходит коммуникация и его состояния используются ею. Точно так же не ведает о сознании и коммуникация. Наблюдая форму коммуникации, наблюдатель «не видит» медиум, сознание:

«Как при восприятии зрением или слухом свет и воздух используются именно потому, что их как средства не видно и не слышно, так и коммуникация использует сознание как средство благодаря тому, что не тематизирует используемое сознание. Метафорически можно сказать: участвующее сознание остается для коммуникации незримым. Если оно становится зримым, то начинает мешать, как шум воздуха при быстрой езде мешает разговору»¹⁷⁵.

Именно благодаря взаимной независимости каждая из систем способна выстроить собственную комплексность. Тем не менее вступать в коммуникацию может только то, что осознано. Только процессы сознания находятся в связи с коммуникацией и влияют на нее, способны возбуждать и стимулировать ее, — в отличие от биохимических, физиологических и прочих процессов. Но и сознание возбуждается в первую очередь благодаря коммуникации, которая посредством языка доставляет броские для сознания и высококомплексные объекты для осмысления. Не имея «контакта», коммуникация и сознание способны наблюдать друг друга. Существовая рядом и не пересекаясь, они образуют уникальный симбиоз комплементарных систем.

¹⁷³ См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 2005. С. 671–689.

¹⁷⁴ Областью слабо связанных элементов медиум предстает лишь для наблюдателя в отношении «медиум–форма», ибо при этом наблюдатель отделяется от того, что каждая из операций и структур медиума самостоятельно детерминирована.

¹⁷⁵ Luhmann N. Wie ist Bewusstsein an Kommunikation beteiligt? // Idem. Aufsätze und Reden. S. 119.

Быть одновременно медиумом и формой сознанию помогает язык. Язык — высококомплексная система, способная различать собственные уровни. Для форм сознания язык как медиум предоставляет слова, из которых могут формироваться высказывания. Эти высказывания в качестве медиума использует для своих форм коммуникация. Связывание и расхождение элементов предполагает их возникновение и исчезновение, т.е. их временный характер. То обстоятельство, что слова и высказывания «временны», помогает создавать time binding¹⁷⁶ и обеспечивать селекцию, иначе речь превратилась бы в неконтролируемую сложность сплошного шума, в хаос.

Бесуловное, незаметное соответствие при одновременном функционировании коммуникации и сознания не означает, что участники коммуникации не могут быть идентифицированы в ее ходе. Коммуникационный процесс способен в своем течении устанавливать тонкие сети внешних ссылок и тем самым «персонализировать» коммуникацию. *Личность* является, по Луману, продуктом способности смысловых отсылок коммуникации формировать соответствующую семантику и снабжать индивидуальные особенности коммуникации именами, позволяющими накапливать представления об индивидуально распределенных системах сознания. В качестве понятия *личность* утвердилась только в Новое время — прежде всего как субъект правовых отношений. Понятие *индивидуум*, означающее отдельного субъекта социальных отношений, сформировалось только в XVIII веке. Понятие *субъект* было призвано обозначать автореферентные когниции сознания для противопоставления знания тому, что определяется как «здравый смысл». Перечисленные понятия постепенно вытеснили представление о сознании как *душе*, призванное идентифицировать человека до и после смерти. Формы «приписывания» сознания его «носителям» Луман обозначает термином «*инклюдия*», т.е. включение понятия сознания в представление о коммуникации, позволяющее создать отдельное понятие о человеке. Эти понятия искусственно сконструированы в рамках исторической семантики. И Луман напоминает об условности этих обозначений: «Слово “человек” — это не человек. Мы должны признать: не существует того, что соответствовало бы как единый предмет этому слову. Слова “человек, душа, личность, субъект, индивидуум” — не что иное, как то, что они производят в коммуникации. Это когнитивные операции постольку, поскольку они делают возможным исчисление дальнейших коммуникаций»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Упорядочивание времени (англ.).

¹⁷⁷ Ibid. S. 132.

§ 2. Структура коммуникации

Коммуникация опирается на различие, дифференцию того, что коммуницируется, от окружения. Коммуникация состоит из трех компонентов: сообщения, информации и понимания. Важнейшим из них является *информация*.

Информация в интерпретации Лумана — не структура, а событие. Он определяет информацию как *«событие, которое меняет состояние системы»*¹⁷⁸. Это определение Луман позаимствовал у Грегори Бейтсона, который определял информацию как *«различие, которое создает различие»*¹⁷⁹. Это означает прежде всего, что информация не есть материал, вневременная «библиотека», как ее понимают в информационных науках, напротив, она — как событие — внезапно, имеет начало и конец. Событие — элементарное звено коммуникационного процесса, которое имеет временную природу и не может быть пересмотрено или отменено. «Информации являются временными различиями, постоянно конституируемыми внутри системы, которые resultируются из взаимной игры автореферентных или инореферентных обозначений, постоянно процессуемых внутри системы»¹⁸⁰.

Информация актуализирует структурные процессы. Проявляясь, она не исчезает бесследно, а оставляет структурный эффект, изменяя состояние системы. Реагируя на это изменение, меняется вся система. После поступления информации система не может существовать по-старому. Те сообщения, которые не ставят под вопрос прежнее состояние системы и не побуждают к реакции, не несут информацию и ею не являются. Но информация не обязательно resultируется в системных изменениях. Даже обогащение наблюдения системы, углубляющее ее дифференциацию, можно считать эквивалентным ее изменению.

Понятие информации в интерпретации Лумана, подобно многим другим понятиям, претерпевает существенные изменения в сравнении с традиционными представлениями. Главное из изменений заключается в том, что информация не привходит извне и ни от чего не «передается», она может быть только частью автореферентных систем, действующих вследствие изменения собственных состояний, а не каузальным изменением вследствие внешнего воздействия. Разумеет-

ся, информация создается не из самой себя, а в ответ на внутренние раздражения системы. «Только в автореферентных системах внешнее воздействие проявляется как побуждение к самоопределению и тем самым как информация, которая изменяет внутренний контекст самоопределения, не устрояя структурных закономерностей»¹⁸¹.

Информация функционирует как «новое», создающее смысл, будучи *неожиданной* селекцией из нескольких возможностей. Луман использует для обозначения этого свойства слово «изумление», «сюрприз» (Überraschung). Будучи неожиданной, селекция побуждает к новым контингентным операциям, которые были бы неожиданными без получения этой информации, но тернит для системы свою неожиданность после нее. Поэтому Луман называет информацию «событиями, которые ограничивают энтропию, не разрушая системы»¹⁸². Система идентифицирует свои изменения как информацию, когда сопоставляет их с ожиданиями. Только новое имеет информационное содержание. Информация может изумить только однажды. Так, информационная составляющая в новостях может прозвучать только один раз. В другой раз данная новость уже не будет нести информацию. Повторение будет иметь другое значение, например, служить знаком солидарности с высказываемым содержанием, но не более того. Поэтому, подчеркивает Луман, следует различать информацию и смысл, хотя любой смысл транспортируется через информацию. Повторение информации будет нести тот же смысл, ту же селекцию. Но оно уже не способно вызывать тот системный эффект, на который способна информация.

Опознание информации совершается также благодаря различению информации и сообщения. Каждая информация транспортируется посредством сообщения, но не каждое сообщение несет в себе информацию.

Смысловая обработка информации позволяет редуцировать сложность, но она может ее и повышать, тем самым повышая нестабильность системы. Таким образом, информация может действовать на систему и конструктивно, и деструктивно. В общем случае благодаря информационной обработке соотношения системы и окружения получают форму, которая совместима с их высокой сложностью и взаимозависимостью. Это открывает путь к эволюции смысловых форм с более высокой способностью к обработке информации. «Если смысл и информация доступны как эволюционные достижения, то с этого момента может начаться смысловая эволюция, которая опро-

¹⁷⁸ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 102.

¹⁷⁹ Его известное определение звучит: «Information is difference that makes difference». См.: Bateson G. Ökologie des Geistes: Anthropologische, biologische und epistemologische Perspektiven. Frankfurt, 1981. S. 515.

¹⁸⁰ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 194.

¹⁸¹ Ibid. S. 103.

¹⁸² Ibid. S. 103.

бует, какие схематизмы приобретения и обработки информации наиболее оправданны в отношении взаимного примыкания. Только посредством такой эволюции смысл становится способен приобретать форму и структуру»¹⁸³.

Сообщение — наиболее выраженный динамический элемент коммуникации, это действие, обусловленное временным характером хода коммуникации. Именно благодаря операциональной природе сообщения как акта вся коммуникация ритмически разворачивается во времени. Сообщение дает коммуникации начало и конец во времени. Оно отвечает за то, что информация не только существует, но и передается дальше, побуждает к примыкающим операциям. Поскольку информация контингентна и контекстна, сообщение должно транспортировать эту контингентность, т.е. ее работа заключается в усилении по созданию того же контекста, в котором селекция информации приемником будет иметь тот же самый эффект, что и у передатчика. Стоит ли это усилие, должна ли информация быть сообщена — это предмет отдельного решения. Коммуникация есть определенная способ наблюдения мира путем различения информации и сообщения, которые слишком часто смешиваются вместе. Сообщение должно отличаться от окружения, например так, как отличают слова от фоновых звуков.

Информация может быть сообщена, но не понята. Понимание — последний элемент, завершающий коммуникацию: коммуникация совершается в тот момент времени, когда происходит понимание. Последнее происходит на основе наблюдения различия между информацией и сообщением. В понимании коммуникация схватывает различие между информационной ценностью содержания и основаниями, по которым делается сообщение. Таким образом сообщение выделяется в потоке восприятия. «Информация не понимается сама собой — для ее сообщения требуется особый код, который расширяется в понимании»¹⁸⁴. Следовательно, понимание — это вид обработки информации, в котором коммуникация реализуется как автопоэтический процесс. «Что бы ни думали участники коммуникации в своем автореферентно-замкнутом сознании, коммуникационная система вырабатывает себе собственное понимание или непонимание и создает для этих целей процессы самонаблюдения и самоконтроля»¹⁸⁵.

Понимание является наблюдением различия между информацией и сообщением, и наблюдение выступает базисной операцией понимания. Но последнее — не любое наблюдение, не любая обработка смыс-

ла, а только такая, которая проецирует в это различие различение системы и окружения и применяет к нему автореферентно воспроизводимый смысл. «Только понятие смысла, концепция системы/окружения и самореференция вместе разъясняют поле применения методологии понимания»¹⁸⁶. Другими словами, понимание предполагает перенос на любое наблюдаемое различие исходного различия между системой и окружением с предвосхищением его автореферентности. «Лишь с помощью различия системы-окружения можно трансформировать переживание смысла в понимание и только в том случае, если иметь в виду, что другие системы точно так же различают себя и свое окружение»¹⁸⁷.

В понятии коммуникации Луман выделяет еще один элемент, который характеризует ее как последовательный процесс примыкающих друг к другу операций: это *тема*. Темы привлекают внимание, открывают и ограничивают отдельные коммуникационные последовательности. Темы характеризуют вещественное измерение коммуникации. Они непосредственно связаны с комплексностью коммуникации и определяют ее смысловые границы. Тематической специализации невозможно поставить границы. Посредством тем смысловые границы системы расширяются или сужаются. Темы предвосхищают предысторию и структурой ожиданий коммуникации. Так, до деталей можно представить себе коммуникацию, которая ведется на футбольном поле, в семье или в магазине¹⁸⁸. «Темы суть программы действия языка», — определяет Луман.

С понятием темы соотносится Beitrag — реплика, выступление — «взнос» в тему. Коммуникацию характеризует различие «темы и реплики». Коммуникационные взаимосвязи упорядочиваются посредством тем, на которые ссылаются реплики. Темы переживают реплики, они устанавливают между различными репликами краткосрочную или долгосрочную смысловую связь. Отношение тем и реплик имеет природу различия уровней и предполагает некоторый баланс: порог тематизации не позволяет темам расширяться бесконечно; тематическое насыщение не позволяет репликам размножаться до бесконечности.

Итак, в трактовке процесса коммуникации Луман переходит от традиционной модели двучленной селекции (передатчик-приемник) к трехчленной селекции. Коммуникация может происходить, когда информация, сообщение и понимание координированно соединяются.

¹⁸³ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 105.

¹⁸⁴ Luhmann N. Was ist Kommunikation? // Idem. Aufsätze und Reden. S. 97.

¹⁸⁵ Ibid. S. 99.

¹⁸⁶ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 111.

¹⁸⁷ Ibid. S. 110.

¹⁸⁸ Ibid. S. 269.

«Неправмерно исходить из того, что существует некий вещественный мир, относительно которого можно коммуницировать. Неверно также, что источник коммуникации находится в "субъективном" действии сообщения, задающем смысл. Не соответствует действительности и утверждение о том, что вначале существует общество, которое предписывает посредством культурных институтов, что нечто можно трактовать как коммуникацию. Единство коммуникативных событий не выводимо ни объективно, ни субъективно, ни социально, и именно поэтому коммуникация создает себе медиум смысла, в котором постоянно может давать распоряжения о том, усматривать ли дальнейшим коммуникациям свою проблему в информации, в сообщении или в понимании»¹⁸⁹.

Все эти «нет» позволяют Луману очистить собственное понятие коммуникации от традиционных представлений и в дальнейшем говорить о той коммуникации, которая системно конструирует общество. В качестве основоположений своей концепции коммуникации Луман сформулировал ряд тезисов, которые будут изложены ниже¹⁹⁰. Некоторые из них, однако, станут более понятны только после изложения содержания иных основополагающих понятий, таких как смысл (§ 3).

1. Коммуникация является фундаментальным понятием для теории общества и социологии.

Подобно тому как социология и психология полностью разведены в своих предметных областях и методах, понятия общества и личности не пересекаются и служат лишь формулой для обозначения предметов этих наук. Общество нельзя определять через отношение к личности, оно представляет собой самостоятельную сущность и систему коммуникации. «Не действие, а только коммуникация является неизбежной социальной операцией и одновременно операцией, которая необходимо вступает в действие, когда создается социальная ситуация»¹⁹¹.

2. Автореферентность — специфическая особенность не только мышления.

Неверно полагать, что способностью к автореферентности, или рефлексии, познанию, присуща только психическим системам. Это основное свойство любой системы, а специфика способа наблюдения состоит только в том, какой вид

системной референции лежит в ее основе. Поэтому понятие коммуникации не требует ссылки на сознание.

3. Только коммуникация может вступить в коммуникацию.

Коммуникация является не эффектом интеракции или социального действия, а единой самодостаточной системой, в рамках которой обосновываются понятия интеракции и социального действия. Коммуникация и только коммуникация способна к самоорганизации и автопоэтическому самопроизведению в виде общества.

4. Коммуникация может коммуницировать только о коммуникации.

Каждая автореферентная система имеет дело только с собственными операциями и «разговаривает» на собственном языке. Что бы ни случилось — ядерная зима, глобальное потепление, экологическая катастрофа — общество может воспринимать и реагировать на эти события единственным образом: посредством коммуникации.

5. Коммуникация возникает благодаря синтезу трех различных селекций.

Информация, сообщение, понимание — эти виды селекций могут существовать сами по себе, но только в единстве они создают эмерджентную систему — коммуникацию. Каждая из селекций предполагает установление различия, благодаря которому система выбирает. Эти компоненты выступают не как функции, акты или горизонты значений. «Речь идет о различных селекциях, селективность и область селекций которых впервые конституируется только посредством коммуникации»¹⁹².

6. Особое значение имеет различие восприятия и коммуникации.

Неверно, будто коммуникация осуществляется благодаря способности приемника воспринимать сообщение. Простое восприятие — это событие сознания, не имеющее последствий для коммуникации и возможности осуществлять дальнейшие примыкания новых коммуникационных событий. Новая эмерджентная система возникает вместе с различием *восприятия и коммуникации*. Это различие конкретизируется как различие *сообщения и информации*, т.е. содержания сообщения, селективируемого пониманием. «Ком-

¹⁸⁹ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 72.

¹⁹⁰ См.: Luhmann N. Was ist Kommunikation? // Idem. Aufsätze und Reden. S. 94.

¹⁹¹ Ibid. S. 96.

¹⁹² Ibid. S. 101.

муникация всегда зависит от того, что обе стороны, информация, содержащаяся в сообщении, и основания, по которым происходит сообщение, постигаются как селекция и посредством этого происходит их различие»¹⁹³.

7. *Относительно понимания и непонимания нельзя так просто коммуницировать, как этого хотелось бы участникам.*

В условиях автопоэзиса коммуникации о непонимании или опасности нарушения коммуникации можно говорить только в терминах понимания. Сообщение «Ты меня не понимаешь» амбивалентно и многомерно. Во-первых, оно утверждает: «Ты не готов воспринять, что я хочу сказать», и провоцирует подтверждение этого состояния. Во-вторых, оно является сообщением информации о том, что коммуникация в этих условиях не может быть продолжена. В-третьих, оно есть продолжение коммуникации. Таким образом, при возникновении проблем в коммуникации подразумевается их решение путем коммуникации.

8. *Эмергенция коммуникации — новое в системной теории коммуникации.*

Традиционная двучленная концепция коммуникации как «передачи» информации от передатчика к приемнику несостоятельна во многих смыслах и это часто обнаруживается¹⁹⁴. От такой передачи никто ничего не «утрачивает», соответственно не «имеет» и не «отдает». И принимать сообщение может и тот, кому «не передают». «Передача» концентрирует сущность коммуникации в сообщении, но только совокупность трех селекций порождает эмерджентное событие — коммуникацию.

9. *Коммуникационная система — полностью закрытая система.*

Коммуникация не только сама создает свои элементы, но и сама специфицирует свои структуры. Коммуникационная система есть автопоэтическая система, которая производит и воспроизводит себя в границах, создаваемых окружающим миром. «Только коммуникация может воздействовать на коммуникацию; только коммуникация может деконпонировать

элементы коммуникации (например, анализировать горизонт селекции информации или спрашивать об основаниях сообщения); и только коммуникация может контролировать и корректировать коммуникацию»¹⁹⁵. Кто не может коммуницировать, для того коммуникации не существует.

10. *Коммуникация не имеет цели.*

Это следует из автопоэтической закрытости, т.е. самодостаточности коммуникации. Если бы было иначе, нужно было бы доказывать, почему коммуникация продолжает существовать после достижения своей цели. Отсутствие конечной цели не означает, что для системы возможна эпизодичная, внутрисистемная постановка целей. Речь идет только о характере эволюции систем, которая не может иметь никакой направленности, энтелехии. «Коммуникация случается или нет — вот все, что можно об этом сказать. Поэтому теория следует не аристотелевскому стилю теоретизирования, а скорее теоретическому стилю Спинозы»¹⁹⁶.

11. *Любая коммуникация рискованна.*

Отвергая консенсусно ориентированные концепции коммуникации, Луман выдвигает тезис об амбивалентности коммуникации по отношению к консенсусу и конфликту: «Коммуникация ведет к постановке вопроса, будет ли сообщенная и понятая информация принята или отклонена. Верят новости или нет — коммуникация создает вначале только эту альтернативу и тем самым риск отклонения. Она форсирует состояние решения, которое без этого не существовало бы»¹⁹⁷. Коммуникация способна вести как к консенсусу, так и к конфликту. В восточных культурах, отмечает Луман, этот риск конфликтности ведет к ограничениям в коммуникации. Благодаря фактору негарантированности и даже невероятности коммуникации возникают социальные институты, которые призваны преодолеть это препятствие.

12. *Коммуникация удавляет реальность.*

Принимая или отклоняя оферты коммуникации, коммуникация удваивает реальность, создавая ее «да-версию» и «нет-версию». В осциллировании между этими двумя уровнями и заключен автопоэзис системы, гарантирующий продолжение ее существования. «Ничто из того, что коммуни-

¹⁹³ Luhmann N. Was ist Kommunikation? // Idem. Aufsätze und Reden. S. 97.

¹⁹⁴ К. Бюллер дает трехчленную формулу функций языковой коммуникации: представление, выражение и призыв (равносильно информации, сообщению и пониманию). где «призыв» трактуется как предвосхищение понимания). (См.: Бюллер К. Теория языка. М., 1993. С. 348.)

¹⁹⁵ Luhmann N. Was ist Kommunikation? // Idem. Aufsätze und Reden. S. 102.

¹⁹⁶ Ibid. S. 102.

¹⁹⁷ Ibid. S. 103.

дируется, не избегает этой жесткой бифуркации — исключение только одно: мир (в смысле феноменологии) как последний смысловой горизонт, в котором это происходит и который сам не квалифицируется ни позитивно, ни негативно, а со-производится в каждой осмысленной коммуникации как условие доступности дальнейших коммуникаций»¹⁹⁸.

13. Отнесение к ценностям при коммуникации привносится как импликация, а не как ее основание. Дискутируют не о ценностях, а о предпочтениях. Самореализации ценностей не существует.

С точки зрения коммуникационных рисков, особое место занимают элементы, которые должны служить основаниями коммуникации и поэтому не могут быть отвергнуты. Они должны быть застрахованы от рисков. Это и есть задача ценностей. Ценности имплицируются при коммуникации, их предполагают, а не полагают. «Не говорят прямо: я за мир. Этого избегают по известным нам основаниям: это дублицировало бы возможность принятия или отклонения»¹⁹⁹. Тот, кто не согласен, должен доказывать свою позицию, должен перенимать комплексность, он подвергается опасности быть изолированным и обрекает себя на почти безнадёжное занятие. Поэтому дискутируют не о ценностях, а о предпочтениях, интересах, предписаниях, программах. Таким образом, утверждает Луман, не существует «системы ценностей». Относительно ценностей не идет речь о психологически стабильных структурах. «Их стабильность есть исключительно коммуникативный артефакт... И именно потому, что в игре задействованы структуры автопозиса социальной системы, ценностная семантика подходит для отображения основоположений социальной системы с целью собственного использования. «Претензия на значимость» — это рекурсивность, которая упрочена благодаря коммуникативной ущербности противоречия»²⁰⁰. Не существует самоосуществления ценностей. Все, что они призваны гарантировать, может быть в коммуникации сорвано и, разумеется, тоже во имя ценностей.

14. Следствия для области диагноза и терапии системных зависимостей. Коммуникация может быть повреждена сознанием.

Строгое различение систем помогает не только лучше понять межсистемные зависимости, но и использовать их для целей диагноза и терапии. Межсистемные зависимости строятся подобно отношениям системы—окружения, поэтому в таких зависимостях следует искать не причины системных процессов, а их помехи. «Сознание привносит в коммуникацию только помехи, только шум, только пертурбации, и наоборот, коммуникация привносит в сознание помехи»²⁰¹. Чтобы наблюдать коммуникационные процессы, нужно знать предысторию коммуникации, а не сознания. Сознание излучается из слов, как свет от горящей свечи, легко отдаляясь от содержания и внося в него собственные обертоны. Коммуникация должна коммуникативно понятным образом быть принята или отклонена. Она должна приспособиться к стремлению сознания увлечь ее в сторону. Она делает это посредством бинаризации. «Коммуникация позволяет сознанию мешать и даже предусматривает это; но только в формах, которые в дальнейшей коммуникации способны к прижиманию, т.е. могут обрабатываться коммуникативно. На таком пути не возникает смешения автопозиса систем, а, напротив, достигается высокая мера коэволюции и сыгранной реактивности»²⁰². Помехи и шум нормальны; всегда существуют нормальные способы овладения ими и их нейтрализации.

§ 3. Смысл

В решении проблемы смысла Луман видел подлинный предмет философии, а в ее постановке стремился обозначить свое глубокое расхождение с традиционными философскими подходами. Понятие смысла, по его собственному признанию, занимает центральное место во всей его системной теории²⁰³. Смысл конститутивен для психической и социальной систем, он их, собственно говоря, и создает. «Смысл является подлинной “субстанцией” этих возникших уровней эволюции», — считает Луман²⁰⁴.

²⁰¹ Ibid. S. 107.

²⁰² Ibid. S. 110.

²⁰³ Заглавие «Смысл» носила одна из первых наиболее известных статей Лумана в упоминавшемся выше сборнике, посвященном его дискуссии с Хабермасом: Sinn als Grundbegriff der Soziologie // Luhmann N., Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie — Was leistet die Systemforschung? S. 25—100.

²⁰⁴ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 141.

¹⁹⁸ Luhmann N. Was ist Kommunikation? // Idem. Aufsätze und Reden. S. 104.

¹⁹⁹ Ibid. S. 105.

²⁰⁰ Ibid. S. 106.

В трактовке понятия символической генерализации для Лумана важна его социологическая концептуализация. Смысловая генерализация уплотняет структуры отсылки каждого смысла в форму *ожиданий*, которые намечают то, что дает данное смысловое положение в перспективе. Сами ожидания также направляют и корректируют генерализацию. Благодаря этому становится возможной ориентация в смысловом пространстве. Все символические генерализации, реализуемые на таких идентичностях, как вещи, события, типы или понятия, содержатся и воспроизводятся в них в «сетях ожиданий». В социальных системах возникает потребность в их более сильной интерпретации, — *поведенческих ожиданиях*. Без подобного уплотнения смысловых отсылок груз селекции для примыкающих операций системы был бы очень тяжел. «Как селекция генерализация является и ограничением возможного, и способностью к обнаружению других возможностей. Благодаря единству этих двух аспектов генерализация ведет к возникновению структуриванной комплексности... Подводя теоретический итог, скажем: смысловые избытки должны использоваться селективно, и это «должны» является «возможностью» в смысле выбора ожиданий, которые преодолевают дисконтинуальности и сохраняют себя как генерализации»²⁶⁸.

Понятие символической генерализации охватывает значительную область форм смыслоконструирующих систем. Луман усматривает в нем три уровня: уровень языка, уровень средств распространения коммуникации и символически генерализованные медиакоммуникации. Эти понятия раскрываются ниже.

§ 5. Язык

Язык — основная форма символической генерализации, обеспечивающая автопоэзис коммуникации и общества. При всем внимании, которое уделялось исследованиям языка в XX веке в рамках «лингвистического поворота», философские концепции языка не объясняли, как и благодаря чему язык обеспечивает самовоспроизводство общества как системы. Луман стремится дать ответ на этот вопрос. Характерно, что сам язык при этом в интерпретации Лумана не является системой. Он не имеет собственных операций, а используется в рамках или психических, или коммуникативных систем. Как вид символической генерализации он выступает медиумом, поставляющим субстрат для образования смысловых форм сознания и коммуникации. Он слу-

²⁶⁸ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 140.

жит одним из важнейших автокатализаторов для эволюции сложных систем. Существование языка зависит от того, позволяет ли он сознанию на одной стороне и коммуникации — на другой продолжать автопоэзис посредством их собственных операций. Если нет, то язык «замолкает». Впрочем, сказанное верно по отношению к любой форме символической генерализации.

С точки зрения Лумана, неправомерно разделять язык и речь, как неправомерно рассматривать структуры в отдельности от форм их исполнения и функционирования. Во всяком случае, ученого интересует не абстрактное содержание языка, а конкретные формы, посредством которых язык инициирует коммуникативный процесс и становится основой социальной эволюции. Поэтому важно исходить из видов, в которых язык коммуникативно функционирует в обществе, идет ли речь о акустических формах — о языке как речи, или о записанных формах — о языке как письме. Звуковая форма первична и в смысле социальной эволюции предшествует письму. И это не случайно. Язык в своей данности, подчеркивает Луман, представляет собой настолько неожиданный вид шума, что именно благодаря своей контрастности обладает высокой способностью привлекать внимание и создает возможности для высокосложной спецификации.

Говоря о языке, Луман имеет в виду даже не речь, а процесс речи, говорение. Говорение является бросающимся в глаза поведением, специализированным и дифференцированным специально для коммуникации. Письмо уже только ссылается на это свойство, предполагая «внутреннюю речь», произнесение слов «про себя»:

«Когда звучит речь, присутствующее сознание способно легко отличать этот шум от других шумов и не может уйти от очарования текущей коммуникации. Одновременно спецификационные возможности языка облегчают построение высокосложных коммуникационных структур: с одной стороны, путем усложнения и упрощения языковых правил, а с другой — путем построения социальных семантик для ситуативной реактивации важных коммуникационных возможностей»²⁶⁹.

Луман считает неверным стремление объяснять происхождение языка из предшествующих ему доязыковых форм общения: например, из языка жестов и сигналов. Даже если в природе и на всех этапах эволюции общества в межперсональной коммуникации широко наблюдается явление восприятия и ответного восприятия восприятия, без языка все равно невозможно реализовать «метакоммуникацию» — коммуникацию о коммуникации, т.е. тематизировать сам ход коммуникации, например, оценить ее результат или уличить в обмане. Осмысленная артикуляция

²⁶⁹ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 110.

еще не является языком в смысле Матураны, позволяющем достигать «координации координации поведения» живых существ²⁷⁰.

Более того, без опыта языка наблюдатель не мог бы в поведенческих сигналах и жестах отделять акт соощения от информации, т.е. не просто наблюдать, а понимать, что жестикულიрующий не просто двигает членами, а передает некоторый смысл.

«Если до появления языка живые существа жили в рамках взаимных структурных соответствий и были подвержены коэволюции, то язык делает возможным еще и оперативное соответствие, которое может быть рефлексивно проконтролировано участниками. Это дает им шанс выключиться из определенной среды и предоставляет им самоорганизации возможность дистанцироваться от объекта коммуникации. Каждый продолжает восприниматься, но понимается только в рамках того, что он сознательно включает в языковую коммуникацию. В результате вместе с нормализацией и рекурсивной интенсификацией операций соответствия образуется собственная автопоэтическая система языковой коммуникации, оперирующая самодетерминированно и совместимая с рефлексированным участием индивидов»²⁷¹.

Доязыковая коммуникация поллюценна: она способствует морфогенезу социального порядка, о чем свидетельствуют наблюдения за насекомыми и животными. Доязыковая коммуникация обладает сигнальной природой. Но сфера применения *сигнала* как производителя «anticipatory reactions» (упреждающих реакций)²⁷² при этом еще очень узка: в нее входит только указание на типические, повторяющиеся зависимости прошлых и будущих событий, которые не могут распознаваться как самостоятельные.

Другое дело, когда жесты и звуки начинают применяться как знаки. Сигнал самостоятелен, он ни к чему не отсылает. *Знак* является формой, которая маркирует различие обозначающего и обозначаемого. Он содержит в себе отсылку не к внешним событиям, а к событиям, «репрезентируемым» внутри языковой системы. Язык функционирует только тогда, когда существует понимание того, что слова не есть вещи, что первые лишь обозначают последние, т.е. когда возникает различие между предметной и семантической реальностью. Благодаря этому различию появляется осознание «жесткости», судьбоносности, недоступности реального мира.

²⁷⁰ Maturana R. The Biological Foundations of Self-Consciousness and the Physical Domain of Existence // Luhmann N., Maturana R. (Hrsg.) Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien? München, 1990. S. 47–117.

²⁷¹ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 211.

²⁷² Rosen R. Anticipatory Systems: Philosophical, Mathematical and Methodological Formulations. Oxford, 1985. P. 145.

В противовес традиционным теориям знака как именованная Луман в качестве ключевой выдвигает изоляционистскую трактовку природы знака. Она опирается на гуссерлевское различие нозмы и нозиса как внутренних смысловых структур. «Различие обозначаемого и обозначаемого является внутренним различием, не предполагающим, что существует внешний мир, который обозначается. Его [различия] особенность состоит в изоляции этого различения, благодаря которой достигается то положение дел, когда отношение обозначающего и обозначаемого остается стабильным независимо от контекста использования»²⁷³. Подобные стабильность и изолированность, предполагающие точность копирования образцов, могут быть достигнуты только благодаря полной произвольности назначения знаков. Это объясняет чувствительность к отклонениям в звучании, в результате которых языковые формы сразу перестают узнаваться.

Эволюция стереотипического использования знаков — это лишь условие эволюции языка, решающим фактором которой становится возможность оперативного замыкания коммуникационных систем посредством языка. Благодаря рекурсивному использованию знаков происходит образование внутреннего замкнутого мира, к которому можно обращаться вновь и вновь и внутри которого можно жить, не выходя во внешний мир. «Посредством языка генерализируется автореферентность смысла, и это достигается с помощью знаков, которые сами являются генерализациями, а не указаниями на нечто другое»²⁷⁴.

Коммуникативный мир, возникающий в ходе использования языка, принудителен: нельзя к кому-нибудь обратиться, не желая быть услышанным; нельзя слышать, не желая понять. Для участников коммуникации невозможно отвергнуть ситуацию коммуникации, коль скоро она возникла. Отсутствие коммуникации будет лишь коммуникацией «некоммуникации». Коммуникацию нельзя обойти: в худшем случае можно только неправильно понять или не услышать сказанное. В этой ситуации на помощь приходит домысливание, ассоциация, интерпретация, опора на уже сказанное, т.е. попытка решать проблемы коммуникации языковым способом. Языковой процесс стремится посредством самодетерминации освободиться от зависимости от восприятия участников, заслониться от шума восприятий. Тем самым в ходе функционирования коммуникационной системы общество стабилизируется воображаемое пространство значений, которое при рекурсивном применении не расходуется, а лишь стабилизирует-

²⁷³ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 209.

²⁷⁴ Ibid. S. 210.

ся. Язык замыкается в себе. Исключая все чуждое, он делает более вероятным и возможным сам автопоэзис коммуникации. В то же время коммуникация происходит потому, что сами языковые события внутри коммуникации воспринимаются как невероятные, создавая тем самым пространство открытых возможностей, и способствуют построению структурированной комплексности.

Язык привязан к звуковому смыслу, что обуславливает временную последовательность коммуникации, т.е. построение порядка последовательности в виде грамматики. «Языковая коммуникация в первую очередь является процессированием смысла в медиуме звучания», — отмечает Луман²⁷⁵. К гибкой временной организации языка приспособляются все иные средства его артикуляции, вплоть до языка немых или письма. Акустика как средство значительно требует более высокой степени абстрагирования и более жесткого управления. Благодаря этому язык становится способным порождать собственное внутреннее движение и время, подавляющее то, которое присуще внешнему миру. В отличие от восприятия, опирающегося на одновременность в соотношении восприятия и воспринимаемого, язык позволяет отделить языковой процесс от временной последовательности реальной среды и различить *собственное время* коммуникационной системы. «Язык может... обозначать то, чего уже нет или что еще не воспринимается. И только это позволяет осуществить проблематизацию синхронизации, которая открывает путь к процессу обучения посредством проб и ошибок»²⁷⁶.

С помощью языка можно сказать или понять то, что еще никогда не происходило и никогда не было сказано. Особое свойство языка — отсутствие зависимости от смысла и контекста того, что было сказано ранее. Это открывает возможность забвения и способность к новой коммуникации. Произносимые слова больше не слышны и мгновенно растворяются в небытии, что благоприятствует генерированию особого социального пространства коммуникации, территориально совпадающего с пространством слышимости звуков, — тесного и компактного, в котором каждый может слышать каждого. В пространстве живой коммуникации возникает необходимость постоянной повторяемости слов и смыслов. Лишь письмом отменяет эту необходимость и снижает требования к памяти.

Форму языка образует различение *звука и смысла*, которые неразрывно связаны между собой: «Хотя звук не есть смысл, но определяет его этой своей небытийностью, т.е. определяет, какой смысл имеется

в виду; и наоборот, смысл не есть звук, но определяет, какой звук надо выбрать, если нужно говорить именно об этом смысле»²⁷⁷.

Язык как речь «возникает посредством повторения звуков и звуковых групп». Но исходный *медиум* языка образует не «материя звука», а слабо связанное множество слов, которое с помощью грамматики может объединяться в конкретные предложения, жестко связанные между собой и генерирующие фиксированный смысл. Причем соотношение медиума и формы в языке реализуется на многих уровнях: для формы языка медиумом являются предложения. Для формы предложений медиумом выступают слова. Наконец, для формы слов медиум — это звуки (в устной речи) и буквы (в письме). Эти ступеньки ведут дальше вниз — к медиуму для звуков и т.д.

Посредством различения слова и предложения язык создает способность к контингентным комбинациям, которые и используются для образования смысловых форм. Подводя в предложении словесные идентичности под разные ситуации, язык генерализирует. «Лишь предложения способны к созданию отношений в рекурсивной сети языковой коммуникации, они могут быть предвосхищены с помощью словесных форм и вспоминаться в качестве фиксированного смысла. ...Они транспортируют в этом смысле автопоэзис систем, включая — выключая сопряжения (Kopplung) слов. Предложения образуют эмерджентный уровень коммуникативной конституции смысла, и эта эмергенция — не что иное, как автопоэзис языковой коммуникации, которая создает себе собственный медиальный субстрат»²⁷⁸. Функция различения языковых форм и медиумов приводит к созданию языковых структур, которые, собственно, и составляют предмет исследования специалистов-филологов.

Ключевой структурой, опосредствующей функционирование языка — и это центральный пункт лумановского учения о языке, — является его *бинарный код*. В случае языка кодирование заключается в предоставлении коммуникацией публичной оферты — принять сообщаемое содержание или отвергнуть, сказать «да» или «нет». Как и в других системах, бинарный код позволяет системе оперативно выбирать одно решение из двух и таким образом выстраивать свои операции во времени. Кодирование помогает системе путем утверждения или отрицания создавать идентичности, которых нет в природе, чтобы свободно оперировать ими. Это такие идентичности, которые всегда остаются тождественными, в то время как коммуникация переходит от утверждений к отрицаниям и обратно. Посредством такой

²⁷⁵ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 213.

²⁷⁶ Ibid. S. 215.

²⁷⁷ Ibid. S. 213.

²⁷⁸ Ibid. S. 220.

осцилляции языковые идентичности не просто могут узнаваться и повторяться, но освобождаются от непосредственной связи с воспринимаемым и способны вести к чисто языковой интерпретации, порождающей культурную дискуссию и социальную эволюцию. Кроме того, отрицание не просто отрицает, оно создает новое пространство неопределенности (unmarked space) для операций системы и преодолевает невозможность оперирования с неопределенным. Создавая то, чего в реальности нет, кодирование языка означает удвоение возможностей высказывания, гарантируя автопоэзису автономии.

С помощью кода система символизирует свою автореферентность и получает возможность прервать собственную циркулярность, т.е. в любом пункте выбрать «нет» и разрушить тавтологичность операций. «Общество вообще возникает только благодаря заложенному в языке прерыванию симметрии, за которым может последовать кондиционирование», — замечает Луман²⁷⁹. Это и означает возникновение времени, поскольку в ходе осцилляции системы из ее актуального настоящего *одновременно* могут наблюдаться временные горизонты прошлого и будущего. Благодаря кодированию сообщаемое ставится под сомнение или отклоняется, что делает возможными и ошибку, и обман. Общая неуверенность, возникающая вследствие перспектив возможного языкового злоупотребления, трансформируется посредством кодирования в бифуркацию возможностей примыкания, т.е. позволяет отодвинуть или сместить коммуникацию. Угроза отвержения заставляет участников коммуникации предвосхищать ответы «да» или «нет», маркируя неочевидные решения и оставляя без маркирования те, которые очевидны, например, ценности. «Тот, кто хотел бы отказаться от альтернативы и риска быть отвергнутым, должен отказаться от коммуникации»²⁸⁰.

Любое предложение может быть подвергнуто отрицанию, и в этом состоит полнота кодирования, не зависящего от намерений участников коммуникации и выступающего условием автокоррекции коммуникационного процесса. Кодирование замыкает систему, которая иначе оставалась бы открытой. Бифуркация позволяет ей определить конкретные условия, формулирующие для участников коммуникации точки отсчета, в которых должно следовать признание или отвержение: «Кодирование языка позволяет в ходе самокондиционирования общества создавать структуры, которые позволяют формировать ожидания в отношении признания или отклонения коммуникаций»²⁸¹. Языковой код является формой, в которой система подвергает себя самокон-

²⁷⁹ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. S. 224.

²⁸⁰ Ibid. S. 226.

²⁸¹ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 231.

диционированию, т.е. производит в ходе адаптации структуры, позволяющие системе посредством успеха или неуспеха коммуникации реагировать на раздражении окружающего мира.

Элементарная операция коммуникации — это завершение акта понимания. Кодирование создает ткань последующей коммуникации, ибо понимание является предпосылкой того, будет ли сообщение принято или отклонено. Благодаря бифуркации существует взаимный страх отклонения и соответственно интерес к пониманию, а говоря более общо — она есть идеальная норма усилия, направленного на взаимное понимание и согласие. Луман полемизирует с К.-О. Апелем и Ю. Хабермасом, утверждая, что не telos взаимосогласования, а бинарный код гарантирует автопоэзис коммуникации²⁸². Для кодированной коммуникации не существует конца, есть только репродуцируемый в понимании выбор, развиваться дальше через принятие или через отклонение.

«Кодирование языка гарантирует... автопоэзис общественной коммуникации благодаря тому, что трансформирует коммуникацию в свободу последовательно отвечать на все достигнутые определенности «да» или «нет». Поэтому в сложных обществах развиваются не обязательства консенсуса, а... символически генерализованные коммуникационные медиа»²⁸³. Гарантированный консенсус в какой-то мере ослабляет интерес к коммуникации. Поэтому те средства, которые служат развитию и распространению коммуникации, ориентированы не на консенсус, а, напротив, на проблематизацию консенсуса.

Подводя итоги обсуждению трактовки языка у Лумана, можно сделать краткий вывод: именно языковая обработка информации посредством упорядочивания селекций принятия и отклонения ведет к упорядоченной коммуникации, т.е. к возникновению общества. Ее отсутствие, иначе говоря, равная вероятность принятия и отклонения коммуникационных сообщений Луман отождествляет с социальной энтропией²⁸⁴.

§ 6. Письмо

Язык служит устной коммуникации. Устная коммуникация создает совершенно определенные социальные условия и вызывает последствия, которые никак не соответствуют коммуникации письменной.

²⁸² Подробнее об этом см.: Назарчук А. Этика глобализирующегося общества. М., 2002. С. 128.

²⁸³ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 230.

²⁸⁴ См.: Luhmann N. Einführende Bemerkungen zu einer Theorie symbolisch generalisierter Kommunikationsmedien // Idem. Aufsätze und Reden. S. 44.

Луман разводит язык и письмо как разные виды медиумов коммуникации гораздо сильнее, чем это делает классическая теория языка. Письмо не замещает и не восполняет, а скорее дополняет язык. Оба способны переходить друг в друга. И тем не менее функции и возможности, которые открывает письмо, достаточно самостоятельны, чтобы говорить о нем как о полноценном социальном генераторе коммуникации²⁸⁵.

Носителем смысла в случае письма выступает не звук и не акустическое восприятие, а материальный, визуально воспринимаемый знак. Исчезают не только присутствующие в речи звуковые и оптические впечатления, но и нюансы жестикуляции, пауз, голоса, темпа и ритма. В случае письма речь идет о структурной идентичности написанного и сказанного, о новой конструкции производимых языком различий. Структурная дифференциация знаков в письме отражает структурную звуковую организацию языка, но способна функционировать как самостоятельная знаковая система, никак не связанная со звуковым уровнем языка. Об этом свидетельствуют опыты обучения языку глухонемых и слепоглухонемых: они способны овладеть языком исключительно в форме письменных знаков (язык Бойля), используя осязательные ощущения²⁸⁶.

Если форма языка состоит в различии звука и смысла, то письмо делает возможной символизацию этого самого различия в другом визуальном медиуме восприятия, в медиуме оптики (или, как в случае с языком Бойля, в осязании). Письмо не требует соответствия звуков и букв, оно питается собственными структурными дифференциациями. Но лишь развитие фонетического письма позволяет реализовать главное преимущество письма, дублирующего не мир объектов, а саму коммуникацию. В движении от идеограмм к слогам и буквам развивается различие знака и смысла.

«Письмо возможно только как система, которая может воспроизвести все возможные или, в любом случае, все используемые различия звуков. Только так, а не в форме копирующей репрезентации, может быть использовано различие средств восприятия слуха и зрения... С помощью письма можно произвести операции совершенно нового вида, и именно потому, что в этих операциях различаются не звук и смысл, а смысл и комбинации букв»²⁸⁷.

²⁸⁵ Это нередко, в особенно ответственных случаях, ведет к требованию записывать речевую коммуникацию, превращая ее в текст.

²⁸⁶ См.: *Hinde R. Nonverbal Communication*. Cambridge, 1972; *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. М., 2001.

²⁸⁷ *Luhmann N. Soziale Systeme*. S. 255.

Это коренное отличие позволяет яснее выявить то, что в речи улавливается с трудом: различию слова и смысла. В первобытных обществах распространены практики, смешивающие слово с реальностью (магия и т.п.). С изобретением письма начинает рефлекторно проявляться природа знаковости, словесности, комбинаторики языка (грамматика), начинает вообще осмысливаться дистанция между языком и миром. Отсутствие ролевой смены говорящих, как это происходит в устной коммуникации, очищает письмо от взаимности, придает ей линейные, легко формализуемые черты. Языковая коммуникация трансформируется в форму текста, особенность и самобытность которого более очевидна и убедительна, чем в устной речи. Интерпретация текста происходит посредством ссылок на прежние тексты, что осуществляется гораздо легче, чем в устной коммуникации. В то же время интерпретация и сама создает тексты, постепенно образуя традицию интерпретации (и интерпретации интерпретаций). Текст более четко, чем речь, способен замыкать область коммуникации.

Если устная речь настойчиво вовлекает в процесс коммуникации присутствующих и превращает коммуникацию в актуальное событие «здесь» и «сейчас», то письмо разрушает событийность и непосредственность коммуникации, разводя ее участников в пространстве и времени. Это часто мешает воспринимать письмо как коммуникацию. Теряется интерес к тому, какие конкретные мотивы имеются у сообщения, и текст начинает восприниматься с точки зрения более позднего интереса читателя. Но благодаря этому возникают новые пространства интерпретации, которые на порядок увеличивают возможности примыкания операций и коммуникативных ссылок. С письмом начинается телекоммуникация, возникает коммуникативная достижимость тех, кто удален в пространстве и времени. Письмо, отмечает Луман, взрывает коммуникацию малых социальных групп и превращает ее в коммуникацию «отсутствующих». Это революционно расширяет возможности участников коммуникации, ведет к глубокой трансформации коммуникационных возможностей и тем самым к основательному переструктурированию общественной системы.

Изменение материального носителя радикально меняет коммуникативные возможности языка. Удаленная коммуникация делает возможным перенесение знаков вместо вещей и событий. Она мало энерго- и ресурсозатратна. Экономичность транспортирования знаков с помощью книг или компьютера относится к письму, а не к устной коммуникации. Алфавитизация письма, считает Луман, стимулируется экономикой и эргономикой письма, а не потребностью в записи эпической традиции или в производстве литературы как таковой. Таким образом, письмо открывает для общественной коммуникации новые области

технизации и индустриализации, но в то же время делает их зависимыми от индустриального производства и технического прогресса.

Если устная речь представляет собой в той или иной форме диалог (возможности монолога ограничены особыми ситуациями и мотивами), то письмо, напротив, расщепляет процесс написания и чтения и даже делает их асоциальными, интимными. Присутствие постороннего рядом с пишущим или читающим может восприниматься как навязчивое вторжение в личную жизнь. Сама коммуникация коренным образом меняет здесь свой вид: размышление «про себя» вместо импульсивного выражения вслух; постепенное восприятие информации в целости вместо точечного реагирования на сказанное. Письменная речь смещает и растягивает во времени принятие или отвержение языковой оферты. Это увеличивает пространство социальной отзывчивости на коммуникацию.

Письмо снимает количественные ограничения с говорящего и начинает оперировать не компактными в информационном отношении сообщениями-репликами, а информационно глобальными текстами. Вообще говоря, письмо усиливает значение элемента информации в тексте. В простых обществах у говорящего и не могло быть большого количества информации. Говорение выступало часто просто индикатором согласия и сочувствия, простых социальных коммуникаций, для чего письмо уже не предназначено. Вместе с тем неизмеримо возрастает возможность доступа к пониманию сообщения. С другой стороны, воспринимающий легко может отказаться от получения сообщения или отложить его, и здесь у сообщающего нет даже средств контроля. «При использовании письма общество отказывается от временных и интеракционных гарантий единства коммуникативных операций и этот отказ требует компенсации за то, что потеряно»²⁸⁸.

Речь включена в актуальный контекст коммуникации (место, время, участники, параллельные события), о котором не требуется сообщать участникам коммуникации, поскольку она непосредственно создается suoi контексты. Письмо вынуждено информировать о составных элементах коммуникации, чтобы воспроизвести обстоятельства изначальной коммуникативной ситуации и сделать коммуникацию понятной. Оно выдвигает новые требования к различению субстрата и формы, предполагает иную степень жесткости построения предложений. Поскольку письмо обращено не к ситуации адресату, а будет прочитано неопределенными «многими», правильность структуры предложений и композиции сообщения приобретает важное значение. Противоречия и несообразности, допустимые в речи, стано-

вятся здесь более очевидными, требования к consistency написанного повышаются. Это вызывает к жизни необходимость литературных стандартов национальных языков. Посредством типизации отдельных слов, редуцирования смысловой неопределенности с помощью определений, логических дистинкций, категорий, видов и родов достигается большая семантическая эффективность письма в сравнении с речью.

И тем не менее общей характеристикой письма остается неопределенность в отношении понимания смысла. Вследствие того, что внеязыковые инструменты убеждения утрачивают свое действие, возникает понятие авторитета, предполагающее компетентность как ресурс, не выводимый из контекста коммуникативного события: «Написанный текст должен считаться с критическими установками, со знанием других текстов и временем для критики. Он должен принимать во внимание читателей, которые знают предмет лучше... Письмо создает понятия для когниции и правильного мышления, соответствующих самым высоким требованиям к тексту»²⁸⁹.

Неопределенность статуса текста придает тексту свойство модального мнения. Если определенный текст оферта сегодня отвергается, это не исключает того, что он будет принят позже, когда придет переоценка. «В той мере, в какой коммуникация привносит и отводит подобные потенциализации, семантика в целом модализируется. Реальность начинает рассматриваться на основе ее потенциальности частью как необходимость, отчасти как контингентная реализация, отчасти как простая возможность», — пишет в этой связи Луман²⁹⁰. Таким образом в литературе возникает фигура «нигде» — признание права на существование фикции, фантастики.

Другая особенность письма заключается в совершенно новом протекании коммуникации во времени. Текст предполагает фиксацию времени, и в этом смысле порывает с ощущением «жизни-вместе-современем». Однако ни одна система не может действовать вне своего настоящего и в неодновременном мире. Письмо способно создавать особые комбинации, повышающие сложность коммуникации, но оно не в силах преодолеть это правило, «ибо посредством письма в каждом настоящем (и только так) становится возможной комбинация различных настоящих, которые одновременно являются друг для друга будущим или прошедшим. То, что при написании текста было будущим... может быть при чтении уже прошедшим; а иногда читатель знает, что писателю или его герою еще не было известно, что при этом

²⁸⁹ Ibid. S. 276.

²⁹⁰ Ibid. S. 277.

²⁸⁸ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 258.

произошло... Письмо создает новое присутствие времени, а именно иллюзию одновременности неодновременного. Виртуальное время прошлого и будущего присутствует в каждом настоящем, т.е. для него одновременным является нечто совершенно иное, чем настоящее»²⁹¹.

Письмо меняет конституцию памяти и ее значение для коммуникации. Память не просто сохраняет прошедшие состояния. «Подлинная функция памяти заключается не в сохранении прошедшего, а в регулировании соотношения воспоминания и забывания, говоря словами Хайнца Фёрстера; в постоянном селективном обратном вхождении (Reimprägning) в собственные состояния»²⁹². Благодаря включению временных горизонтов в актуальность память помогает создать событийные коммуникации. Письменно фиксируемое событие уже не вытесняется автоматически с окончанием коммуникации. В письме (в отличие от речи) дискриминация воспоминания и забвение становится предметом сознательного решения. Письмо поддерживает память, но и перегружает ее, предоставляя возможность перечитывания текстов.

Текст, препятствуя забвению, влечет за собой процесс обучения, который в свою очередь открывает возможность создавать схематизмы и абстрактные понятия, невозможные в рамках устной коммуникации: «Время не может больше называться властью забвения». Запоминание не вызывает перегрузки сознания. На место ритмики как техники запоминания речи заступает размерное движение записанного повествования.

Прошлое как «записанная» история и как наличный текст получает отныне невиданную прежде власть над настоящим. Прошлое привлекает внимание зачастую в ущерб настоящему и мешает новому и иному. «История становится драмой присутствия прошлого, одновременности неодновременности»²⁹³. Луман обращает внимание на то, что письмо возникает не как средство коммуникации, эту функцию оно приобретает на более поздней стадии своего развития, через столетия. Первоначально письмо служило для сохранения в памяти сакральных текстов, точнее, для очерчивания пространства религиозной тайны и границ коммуникации. Письмо получает широкое распространение только впоследствии, в особенности в связи с возникшей потребностью в управлении большими хозяйствами и повышенной возможностей контроля, которые оно давало господствующим сословиям.

Это же свойство, связанное с широкими возможностями текстовых интерпретаций, ведет к утрате контроля над массами и вследствие это-

го — к наделению письма функцией массовой коммуникации (литература, письменная переписка и т.д.), которая вначале развивается паразитарно, путем приобщения низших слоев к образованию²⁹⁴. Постепенно, переводя устную коммуникацию в письменную, письмо развивает формы, в которых действующие персоны сами действуют коммуникативно — например, в литературной форме романа. По Луману, литература — это «коммуникация в коммуникации, реальная коммуникация как копия фиктивной коммуникации и фиктивная коммуникация в реальной коммуникации, которая побуждает забывать, что фиктивная коммуникация функционирует через реальную»²⁹⁵.

Став публичным, письмо быстро разрывает оковы политического контроля — вначале в форме дебатов, охватывающих все возможные темы, затем в форме критики, обосновывающей задачи трансформации социальных структур. Письмо делает более эримой связь между социальной семантикой и социальной структурой: «После изобретения письма можно исходить из того, что общественная структура и семантика находятся в постоянно синхронизированном совпадении. Семантики могут... быстрее изменяться и антиципировать возможности развития общества или догонять их, но могут и сохранять отжившие традиции и препятствовать возникновению исторически и предметно адекватных описаний... Письмо десинхронизирует прежние временные ритмы автопоэзиса общественной коммуникации»²⁹⁶.

Эволюция письма постепенно провоцирует эволюцию способов наблюдения высокого порядка, и в особенности наблюдения других наблюдателей²⁹⁷. В этом огромное значение письма для социальной эволюции. Устная речь развивается преимущественно в рамках коммуникации первого уровня. Метакоммуникация при этом не идет, как правило, дальше уточнения содержания сообщения и выражения своего согласия или несогласия. Письмо открывает совсем иные возможности для метакоммуникации: посредством цитирования, интерпретации, критики оно делает коммуникацию предметом коммуникации и становится наблюдателем коммуникации, наблюдателем второго уровня. Это открывает путь к переходу на новую степень сложности коммуникации, свойственную современному обществу.

²⁹⁴ Луман подчеркивает, что это в особенности свойственно европейской культуре и в меньшей мере — культуре Китая и Индии.

²⁹⁵ Luhmann N. Soziale Systeme. S. 283.

²⁹⁶ Ibid. S. 289.

²⁹⁷ См.: Ibid. S. 278.

²⁹¹ Luhmann N. Soziale Systeme. 265.

²⁹² Ibid. S. 270; см. также: Foerster H. Das Gedächtnis, Wien, 1948.

²⁹³ Ibid. S. 273.